

Бенно Верлен*

Субъективная точка зрения

Как было показано выше, отправным пунктом философии науки К. Поппера была «объективная теория знания, не знающая субъекта». Эдмунд Гуссерль, основатель феноменологии, и Альфред Шюц, наиболее значительный, хотя и недооцененный, представитель феноменологии в социальных науках, начинают с диаметрально противоположного тезиса¹. В их философии условия объективного знания находятся в рамках знающего субъекта. Нет знания, независимого от субъекта, ибо все познаваемое сперва должно быть проанализировано в понятиях, составляющих его смысл.

Ниже я исследую этот тезис «субъективной перспективы». Я попытаюсь также дать систематическое объяснение ее значения для социальных наук и для социальной географии, в том числе. Мой анализ будет основываться в основном на трудах Шюца, а на Гуссерля я буду ссылаться только для большей ясности. Прежде всего, меня интересуют общие принципы теорий знания и науки и выводимые из них правила для социального исследования. Я особо сосредоточусь на феноменологической теории строения смысло содержания социального знания. Но вначале я вкратце остановлюсь на историческом контексте, в котором сформировались центральные положения феноменологической теории знания. Это поможет лучше понять суть субъективной перспективы в социальных и культурологических исследованиях.

Исторический контекст субъективной перспективы

Заложенные Галилеем основания научной мысли в эпистемологии привели к дуализму, самое яркое проявление которого мы находим в трудах Декарта. Оно предполагает дуальность физически-материального (внешнего) мира и человеческого сознания (внутреннего мира). Знание стало проблемой опосредования между внешним миром (телом) и внутренним миром (душой). Юм и Британская школа эмпириков исследовала часть внешнего мира, существующую в человеческом сознании, как он там оказывается и как затем «перерабатывается» в знание. Они пришли к выводу, что не может быть иного знания о

* Бенно Верлен – профессор Института географии Иенского университета (Германия). Перевод сделан по: Verlen Benno. *Society, Action and Space*. L.:Routledge, 1993. P. 52-72.

Werlen, B. *Gesellschaft, Handlung und Raum*. Franz Steiner Verlag, 1987.

© Бенно Верлен

© Перевод Баньковская С., 2003

© Центр фундаментальной социологии, 2003

¹ Мы не имеем возможности рассмотреть здесь все неточности и противоречия данного подхода. Основная трудность заключается в том, что сам Гуссерль постоянно критиковал предшествующие свои исследования и сомневался в своих собственных более ранних работах. Так что теперь, в современных исследованиях, невозможно представить более или менее связно направление его мысли. Всевозможные введения в гуссерлианскую феноменологию, ее критика и ее социологические и исторические приложения обычно сосредотачиваются на определенном периоде работы Гуссерля. Поэтому сперва надо сравнить вторичную литературу с собственной «самокритикой» Гуссерля с тем, чтобы оценить адекватность и правильность критики из вторичной литературы (См.: Adorno 1982; Esser et al. 1977: 84-96; Rombach 1974). Более того, критики не согласны между собой и относительно разграничений работ Гуссерля на периоды и фазы, что делает классификацию критических работ чрезвычайно трудной задачей (См.: Szilasi 1959; Diemer 1956; Held 1981).

А поэтому нелегкое это дело дать последовательное описание идей Гуссерля. Поскольку в данном разделе мы обращаемся, главным образом, к базовым предпосылкам «субъективной перспективы» в социальных науках, касающихся теории знания и научной теории, то в последующем изложении я сосредоточусь на тех аспектах, которые Шюц в полемике с Гуссерлем упоминает как необходимые для обоснования «не-реалистической-объективной социальной науки» – так Шюц называет ее в интервью Байеру (1971: 10).

внешнем мире, чем верование. Как я уже показал в предыдущей главе, Юм также заключил, что это верование становится тем сильнее, чем чаще наше сознание получает определенные чувственные впечатления извне. Таким образом, любое переживание реальности может дать нам только лишь определенную степень уверенности в том, что эта реальность возможна. Эта мысль в конце XIX века привела к спекулятивному идеализму Гегеля и Дильтея и других нео-идеалистов (Kueng 1982: 2).

Гегель был бы рад узнать, что эта синтетическая чисто спекулятивная философия, в свою очередь, породила своего собственного антипода – аналитическую школу (Фреге, Рассел, Карнап, Поппер и др.). Но спекулятивная философия имела и другую реакцию – феноменологическую школу (Бrentано, Гуссерль, Шелер, Мерло-Понти, Хайдеггер и др.). Обе школы согласны в том, что необходим строгий анализ реальности, а не (спекулятивный) всеобщий синтез. Обе они желают появления «философии как строгой науки» (Husserl 1965). Эти две противоположности различны, однако, в том, как они отвечают на картезианский дуализм. Аналитическая школа настолько увязла в рассуждениях о внешнем мире, независимом от человека, что уверовала в возможность использования этого внешнего мира в качестве критерия истинности лингвистически конвенциональных суждений (под которыми подразумеваются определенные понятия) и сформулированных в науке законов. Смысловая структура «реального мира» берется здесь как данное (некритично). С точки зрения же феноменологической теории знания это равносильно объективному разрешению картезианского дуализма. Принимая сознание действующего своим отправным пунктом, феноменологическая школа пытается представить этот дуализм безосновательным. Тем самым она возвращается к позиции Декарта, хотя акценты теперь расставлены иначе.

Гуссерлианскую феноменологию интересует, главным образом, установление оснований «строгой науки», что отнюдь не означает требования математической формализации или убеждения в том, что единственно истинным знанием является знание измеряемое². Гуссерль как опытный математик, написавший не одну свою работу по математической логике³, был уверен, что ни одна из так называемых строгих наук, столь успешно использующих язык математики, не может дать нам понять наш опыт внешнего мира – того мира, существование которого они некритически предполагают и который они делают вид, что измеряют при помощи отметок и показателей на своих приборах. Все эмпирические науки ссылаются на внешний мир как на пред-данный, но и они сами, и их приборы также являются элементами этого мира. (Schutz 1962: 100)

Требование «строгой науки» у Гуссерля подразумевало более обширную программу, нежели просто формализация научных высказываний. Он хотел раскрыть все предпосылки знания, на которых основываются как естественные, так и социальные науки. Для этой цели он попытался сформулировать теорию знания, которая выявила бы скрытые предпосылки любого привычного процесса мысли с тем, чтобы можно было бы делать объективно истинные высказывания.

«Слияние эмпиризма и рационализма, которое было взято за образец современной наукой» (Luckmann 1983: 22), привело, по мнению Гуссерля (Husserl 1970a), к «кризису» европейской науки. Этот кризис вырос из отчужденного состояния идеализированных и формализованных продуктов теоретической деятельности в области математики и логики. Эти продукты оказались отчужденными не только от своих истоков в жизненном мире, но и реифицированы в качестве основополагающих принципов природы. Гуссерль постоянно упрекает эти науки в «слепой наивности» в том смысле, что они не видят своих истоков, корней своей «идеализирующей и математизирующей теоретической деятельности и оснований этой деятельности в практике повседневной жизни» (Luckmann 1983: 18). Далее

² О значении логики и математики для научного действия в феноменологической теории знания см.: Szilasi 1959: 29ff.

³ «Über den Begriff der Zahlen» (1887) и – в итоге весьма противоречивой дискуссии с Фреге – «Logische Untersuchungen» (1901).

Лукман отмечает, что и социальные науки также не были лишены этой слепоты, но их научному идеалу присуща еще большая наивность.

Социальные науки не только весьма основательно переняли логическую форму рассуждений у физических наук (это историческое достижение сочетания эмпиризма с рационализмом), но и весьма безосновательно претендуют на такую же *эпистемологическую* независимость научного знания (Luckmann 1983: 18).

Таким образом, в традиционном эмпирическом социальном исследовании «слепота относительно природы предмета социальной науки [...] состоит в метафизическом устранении рефлексивности» (Luckmann 1983: 18) и интенциональности.

В своих исследованиях интенциональности, в анализе строения сознания и смысло-содержания, интерсубъективности познавательного процесса знающего субъекта Гуссерль указал на главные факторы, противодействующие такому отчуждению. Любой научный анализ, по мнению феноменолога, должен быть укоренен в жизненном мире, тогда отчуждение, развившееся в науке, будет устранено. Слепую наивность можно преодолеть, только если постоянно держать в уме, и даже в научных действиях, что каждый акт приобретаемого знания основывается на потоке сознания познающего субъекта, и что сознание основано на жизненном мире.

Особенно Гуссерля интересует основополагающее напряжение, существующее между различными требованиями, предъявляемыми к «истине». Настоящее научное открытие должно подчиняться двум требованиям, которые на первый взгляд могут показаться противоречивыми: с одной стороны оно должно быть «объективным» (т.е. содержание знания должно быть обоснованным независимо от субъективных обстоятельств реального протекания этого открытия), а с другой – мы ожидаем, однако, что познающий субъект убедил себя неким образом в обоснованности своего открытия, и он смог это сделать только *субъективно* осуществляя это открытие в конкретной ситуации. (Held 1981: 275).

Другими словами, «объективное» всегда может быть только продуктом субъективного акта, но, тем не менее, может существовать и независимо от него. Если мы попытаемся разрешить эту дилемму с точки зрения одностороннего объективизма, мы впадем в наивный позитивизм, некритично принимающий реальность в качестве критерия суждений об объективности. Если же мы решаем ее субъективно, мы впадаем в (идеалистический) психологизм, который предполагает, что логически обоснованные суждения – это психологические, а не объективные факты.

Несмотря на опровержения психологизма в «Логических исследованиях», Гуссерль решает эту дилемму, обращаясь к субъективной стороне понимания. Он начинает с идеи о том, что признанное истинным является «объективным» и обоснованным «как таковое». Можно сказать, что признанное истинным имеет существование независимо от изменения субъективной ситуации данного открытия. Но содержание этой истины, которое заключено именно в этой независимости, достижимо только в его уникальном соотношении с субъективным знанием. Тем самым Гуссерль отказывается некритично принимать постулат реализма, но, в то же время, опасается и метафизических ловушек. Поэтому он больше не ищет причин того, что существует в мире, и того, что в нем происходит, но стремится раскрыть строение *смысла* фактов, которые предстоит открыть.

Такое понятие предполагает решительную попытку поставить под сомнение все опытные данные, которые кажутся просто «заданными». Имея в виду эту цель, испытывающий воздействия субъект должен быть свободен от «наивного» подхода – эту идею и Декарт положил себе за начало. Поэтому он более не рассматривал данные органов чувств как начало всякого опыта, но полагал *ego cogito* – мыслящего субъекта – началом нашего знания. Да и Гуссерль начинал с того же, в этой связи и его теория познания может рассматриваться как субъективистская. Однако, гуссерлианская критика направлена именно на эти два положения картезианской теории познания: Декарт слишком мало значения уделял обоим понятиям – понятию *ego* и понятию «*cogito*» – познания. Акты мышления

(«когитации»), происходящие в сознании *ego*, Декарт рассматривал как изолированные друг от друга целостности. Он не видел отношения отдельно взятых актов мышления к предшествовавшим им актам мышления. Кроме того, Гуссерль усматривает недостаток Декарта в том, что тот не сделал «достаточно радикального различения между самим мыслительным актом и объектом мысли» (Schutz 1962: 102). Таким образом, собственная мысль Гуссерля и его радикализация Декарта отличается использованием понятия «интенциональность мышления».

В отличие от Декарта феноменологи подчеркивают *интенциональный характер* нашего мышления. Для них не существует (в отличие также и от Фреге и Поппера) мыслей или идей как таковых. Поскольку мысли всегда соотносятся с предметами, которые находятся в поле нашего опыта, постольку и каждый мыслительный акт, воспоминание, образ и т.п. должен быть мыслью о чем-то, воспоминанием чего-то, образом какого-то объекта, который мыслится, вспоминается, воображается. Поэтому каждый мыслительный акт имеет интенциональную структуру. Раскрыв интенциональную структуру сознания, возможно разрешить дилемму кажущихся противоречивыми требований к «истине», при этом не впадая в односторонность «объективизма» или «субъективизма». В таком контексте «истина» означает совокупность фактов, которые не ограничены ни внешним миром, ни психологическими факторами, но является результатом акта сознания, соединяющего оба компонента и, тем самым, минует картезианский дуализм. С помощью интенциональности мы можем сосредоточиться на «объекте», не отвергая при этом субъективность акта познания. Феноменологическую максиму «обратиться к вещам как таковым» следует также понимать в этом смысле. Когда тема, «осознание-вещей», становится центральной, и «сознание» тем самым становится неразрывно связанным с «вещами», все субъективное оказывается так же неразделимо с внешним объектом⁴. Идеалистский или солипсистский взгляд на мир при таком подходе столь же маловероятен, как и «объективистское» устранение субъекта.

Вторая гуссерлианская радикализация картезианской теории познания в отношении мыслительных актов затрагивает различие между тем, что воспринимается, и интенциональным актом восприятия. Хотя воспринимаемый объект и существует во внешнем мире независимо от воспринимающего субъекта, последний может воспринимать его только так, как объект является ему (или ей), а не так, как он в действительности существует, «как таковой», (что бы это ни значило). Воспринятое явление (как результат интенционального акта сознания) тем самым также независимо и от того, что «фактически дано». Что бы с ним в последствие ни случилось во внешнем мире, оно может продолжать существовать в сознании субъекта в том виде, в каком однажды оно было воспринято субъектом, независимо от своей действительной участи во внешнем мире. Если же субъект заинтересуется этим же объектом впоследствии, то он может по-прежнему соответствовать первоначальному восприятию (поскольку остался неизменным, и поскольку интенциональный акт сознания остается последовательным). В этом случае сознание может достичь синтеза – признания двух явлений тождественными. Второе восприятие может, однако, оказаться не соответствующим первому. Тогда «*ego* может усомниться в любом из них или искать объяснения их явному несоответствию» (Schutz 1962: 107). Если *ego* принимает решение прояснить это сомнение, то он должен изначально четко различать акт восприятия и то, что воспринимается.

Акту восприятия Гуссерль дает название *noesis*, а воспринимаемое называет *noema*. В этом контексте существуют изменения интенционального объекта, обусловленные деятельностью разума, и поэтому являющиеся ноэтическими, и другие изменения, берущие начало в самом интенциональном объекте и по сему являющиеся ноэматическими (Schutz 1962: 107).

⁴ См.: Peursen 1969: 25; Pivcevic 1970:93; Held 1981: 278.

Любое восприятие (*noesis*), таким образом, является результатом сложного процесса интерпретации, «в котором восприятия в настоящем связаны с восприятиями различных аспектов (*cogitationes*), испытанными в прошлом» (Schutz 1962: 108). Все бывшие в прошлом опытные данные создали определенный универсальный стиль, определенное строение тип-структуры. Все последующие восприятия интерпретируются в соотношении с этой тип-структурой. Другими словами, ноэтический коррелят *ноэзиса* приобретает свой особый смысл, благодаря интенциональному акту сознания, который, в свою очередь, отсылает назад, к уже существующей в сознании *ego* тип-структуре. Чтобы выяснить, зависит ли несостоятельность наличного опыта, по сравнению с предшествующим, от ноэтического (акта) или же от ноэматически (воспринятого) аспекта знания, нам надо обратиться к гуссерлианскому рассмотрению роли *ego* в процессе понимания.

С тем, чтобы оценить роль субъекта, или *ego*, в процессе приобретения знания, следует решительно отказаться от не критичной, наивной, установки в отношении мира. Ибо при (наивном) подходе к знанию нас не интересует, таков ли мир, каким мы просто его воспринимаем, или способ его существования зависит исключительно от наших восприятий. Уверенность в значении и природе того вклада, который вносит в приобретение знания субъективный компонент, нам придает, в некоторой степени, наличие «искусственной, теоретической, установки»⁵. Феноменологическая философия и феноменологически ориентированная социальная наука взялись за анализ и классифицирование таких установок.

Процесс конституирования и intersубъективность

Для сторонников феноменологической перспективы объективный смысл физической и социальной реальности не является заданным как таковой. Скорее, он представляется как результат осмысленного его выстраивания взаимодействующими субъектами. По выражению одного из феноменологов, «объективный мир конституирован всеми нами, и любой из нас (дабы иметь одинаковый опыт и приобретать одно и то же знание) заменим на любого другого, точно так же конституированного *alter-ego*» (Szilasi 1959: 111). Таким образом, «объективный смысл» является общим и связующим отношением между потоками сознания субъектов, т.е. их «запасом наличного знания». Посредством интенциональных актов это общее связующее отношение конституирует intersубъективную реальность.

Далее я более подробно рассмотрю основные понятия этой теории познания с тем, чтобы прояснить главное положение, изложенное выше.

Понятие «строение» употребляется в феноменологической литературе в двух различных контекстах: во-первых, в отношении строения сознания знающего субъекта и, во-вторых, в отношении строения смысло содержания воспринимаемых явлений. Что касается первого аспекта «строения», то здесь следует начинать с того факта, что любое понимание смысла совокупности обстоятельств отсылает нас к другому, предшествующему интенциональному опыту. Это может быть собственный опыт действующего или же опыт других людей, переданный ему. Как бы там ни было, любой акт понимания, по утверждению феноменологов, предполагает определенное предшествующее знание об исследуемой совокупности обстоятельств. Согласно этой теории сознание – шюцевский «запас наличного знания» – является осадком всего предшествующего опыта, который на момент рассматриваемого опыта или действия находится в прошлом. Познающий субъект всегда может привлечь этот прошлый опыт, поскольку он принадлежит «потоку сознания». Таким образом, на протяжении жизни познающего субъекта выстраивается («конституируется») определенная структура сознания, которую подробно и исследует Шюц в своих работах по

⁵ При «искусственной установке», т.е. в ее самом общем смысле установке философского сомнения, должно быть установимо, какие аспекты воспринимаемого объекта были конституированы актом познания субъекта, а какие являются атрибутами объекта как такового.

структуре релевантности и идеальным типам⁶. Если различный опыт субъектов имеет место в одном и том же обществе и культуре, то сознание каждого индивида в этом сообществе (скорее всего) приобретет интерсубъективно состоятельную структуру. Тем самым, в потоке переживаемого опыта, в запасе знания субъекта, создаются предпосылки для конституирования «объективности»: одно данное событие или объект будет иметь один и тот же смысл для каждого, тем самым становясь «объективным» фактом. Именно так и выстраивается интерсубъективное сознание объекта. Для того, чтобы описать истину как «объективную истину», сначала надо показать, что данный факт (*Sachverhalt*) «является для меня таким же, как и для всех, с кем я вступаю в коммуникацию» (Brauner 1978: 42). Объективная истина возможна только, если данный факт, к которому относится утверждение, признается одним и тем же всеми субъектами, находящимися в коммуникации друг с другом.

Это значит, что интерсубъективный консенсус относительно внешнего мира вполне возможен, несмотря на решающую роль субъекта в процессе познания. Это объясняется тем, что субъективность *ego* представляет собой лишь один из полюсов в строении сознания. Вторым полюсом как раз и является интерсубъективность мира современников. В процессе социализации познающий субъект учится интерпретировать мир интерсубъективно; здесь самое главное – усвоение общего языка. В этом процессе социализации «объективные» перспективы познания передаются таким образом, что данные факты с одним и тем же смыслом могут быть общими для всех субъектов из одного социо-культурного мира. Если эти перспективы обоюдны, факты становятся объективными, т.е. интерсубъективно тождественными, объектом познания. Это означает, по словам Бронера, «что хотя мир со всем его "содержимым" и проникает в сознание (любого познающего субъекта) различными путями, его можно все же испытывать и интерсубъективно как общий для всех мир посредством актов познания и явления» (Brauner 1978: 42). Благодаря общей перспективе индивидуальное переживание мира сливается с единым интерсубъективным миром, находя свое наивысшее выражение в «общих объектах сознания» (Husserl 1982: 56) – с миром, который представляется объективно данным.

Вторым аспектом «строения» является субъективное строение смысла материально-физических и ментально-нематериальных фактов. Это и есть интенциональный вклад смысла, опирающегося на интерсубъективный запас знания. «Интенциональность» в этом контексте выступает и как конкретная направленность сознания, и как вложение смысла. В этом отношении Гуссерль, прежде всего, заинтересован в творческой функции интенциональности, заложенной в самом акте восприятия. В ходе этого акта поступающие органам чувств данные (световые импульсы, звуковые волны и т.п.), гуссерлианская «сущность» (*Nule*), становится нозмой – явлением с конкретным смыслодержанием. С точки зрения феноменолога чувственные данные в чистом виде, на которых классические позитивисты и основывают свою объективную науку, становятся осмысленными только лишь посредством интенционального акта в сознании. Тем самым, только после того, как чувственные данные будут наделены «формой и очертанием» (Peursen 1969: 95) в сознании, а их смысл будет выстроен как результат субъективного акта познания, они становятся релевантными для действующего.

И хотя именно познающий субъект выполняет акт интенционального построения, эту эпистемологию нельзя называть (как это делает Хабермас (Habermas, 1988)) эгологическим подходом. Конечно, Гуссерль помещает синтезирующий процесс интенциональности в потоке сознания индивида. Но, в то же время, следует понимать, что соотносится с чем-то иным, нежели субъект. Таким образом, внутреннее и внешнее, субъект и внешний мир, действующий и социальность сосуществуют в акте познания. Применение этого подхода к

⁶ См. главу 5.

социальным исследованиям должно стать изначально, что дает нам все основания обратиться непосредственно к Шюцу.

По Шюцу (Schutz, 1962: 116ff.) отнесение (Verweis) к интенциональности, к интерсубъективности процесса познания, закладывает фундаментальные основания «социальности». Когда речь заходит о различении «вещей во "внешнем мире"» (Schutz, 1962: 110) и «идеальных объектов», Шюц, как и Гуссерль, начинает с предпосылки о том, что каждая вещь, каждый данный во внешнем мире факт, может быть (как объект знания) только идеальным, интенциональным объектом. Настоящий объект проникает в сознание с помощью знаков и символов, «которые, в свою очередь, являются воспринимаемыми (wahrnehmbare) вещами – такими, как звуковые волны произносимого слова или напечатанные буквы» (Schutz 1962: 110). Вывод, который из этого следует, заключается в том, что реальный мир и в самом деле может существовать без познающего субъекта, но его смысло содержание может быть конституировано только познающим субъектом. Реальный мир как таковой, тем самым, является предпосылкой для действий субъекта, но этот мир становится релевантным [этим действиям], только если наделяется конкретным смыслом, после того, как субъект сформировал его смысло содержание. Таким образом, конструирование социальной реальности происходит посредством символизации того, что познаваемо во внешнем мире. В этом процессе сочетаются обе формы, или оба аспекта, построения. Любое конституирование смысло содержания данного факта посредством интенционального акта (второй аспект) всегда включает в себя свою собственную историю, «и эту историю (первый аспект) можно обнаружить, лишь усомнившись в ней» (Schutz 1962: 111).

Феноменологическая эпистемология по-своему заинтересована не только в том, чтобы показать логическую обоснованность процесса человеческого познания, она также стремится прояснить предоснования формальной логики. Но для этого она должна ответить на вопрос о том, какой процесс конституирования заслуживает суждения типа «логически обоснованный» или «логически необоснованный». По Гуссерлю, «истинность» высказывания или мысли можно оценить только, если прояснены (geklart) эти изначально акты сознания. Наивные предположения объективной науки об онтологических предпосылках «реальности» неприемлемы. Прежде всего, следует проанализировать сами эти предпосылки.

Итак, феноменологическая философия вознамеривается исследовать то, что ученые принимают как само собой разумеющееся: «Феноменолог, можно сказать, не должен заниматься объектами как таковыми; его должен интересовать их смысл, такой, каким он сформирован посредством деятельности нашего разума» (Schutz 1962: 115). «Объективная реальность» не принимается как само собой разумеющееся, но рассматривается как продукт конституирующего процесса, исполняемого познающим субъектом. Этот процесс конституирования должен стать доступным для эмпирического исследования, а не классифицироваться в качестве априорных категорий или в качестве принадлежащего к области метафизики. Я попытаюсь показать, что такая постановка вопроса влияет на основные интересы социальных наук, которые имеют своей целью эмпирически обоснованные высказывания относительно социальной реальности.

Жизненный мир как существенная предпосылка исследования

Основа для формирования сознания описана Гуссерлем как «жизненный мир». Шюц также называет ее «повседневным», или «обыденным миром действующего»⁷. Действующий

⁷ Приравнивание «жизненного мира» Гуссерля к «повседневному миру» Шюца имеет свои трудности, поскольку Шюц сохраняет понятие «жизненный мир» как центральный теоретический элемент (см.: Schutz and Luckman 1974). Гратхоф (1978b: 68ff.) предлагает различать эти два понятия, интерпретируя гуссерлианский «жизненный мир» как «общий фон повседневного мира» (1978b: 69), как философскую классификацию и пред-структуру пред-положений на основании всех действий, позволяющих нам описывать повседневный мир не-

переживает повседневный мир в «естественной установке», и, согласно Шюцу, социолог должен исследовать этот мир в «теоретической установке», соответствующей его смыслу. В этом разделе я остановлюсь, прежде всего, на этом тезисе. Во-первых, прежде, чем подробно исследовать различие между процессами интенционального конституирования, производимыми в «естественной установке», и процессами, производимыми в «теоретической установке», а также их отношение к другим процессам, рассматриваемым в философии Шюца, следует объяснить понятие «установка»⁸.

Различные «установки»

Понятие «установка» у Гуссерля (Husserl 1970a: 280) указывает на «обыденно закрепленный стиль волеия жизни, сочетающий направления воли или интересов, предписываемых этим стилем, сочетающий конечные цели, культурные воплощения, общий стиль которых тем самым и определен». Проще говоря, под этим понятием он подразумевает «перспективу», определяющую способ переживания опыта. Шюц (Schutz 1962: 207ff) использует вместо «установки» термин «*attention a la vie*», заимствованный у Бергсона. Он означает нечто, сходное с «напряженностью сознания», особую направленность и внимание к жизни, посредством которых создаются различные области реальности.

повседневным, теоретическим языком. Это дает возможность научного описания структур повседневной жизни и естественной установки. Согласно Гратхофу (1978b: 68), «повседневный мир» Шюца следует интерпретировать как:

социальный конструкт, всегда в перигее, мира, уже пред-конституированного в своем многообразии и в своей конкретной истории. «Повседневная жизнь» с другой стороны, является возможным конструктивным творением нового мира из повседневных забот и трудностей путем постоянного действия и интесубъективного опыта – вместе с последующим прозрением относительно ее возможного устаревания и разрушения (См. также: 1978b: 73ff).

Шюц отчасти заинтересован в том, чтобы показать, что жизненный мир действующего с самого начала не является его собственным приватным миром, но миром интесубъективным: «основополагающей структурой его реальности является то, что мы все его разделяем» (Schutz and Luckman 1974: 4). Этот общий элемент соотносится как с социо-культурной, так и с физически-естественной сферами жизненного мира и, тем самым, со всем, что в них находится. Шюц также отмечает, что природа не является перигеем, как интесубъективный общий элемент, ибо:

Значение этого «естественного мира» (который уже переживался, осваивался и именовался нашими предшественниками) в корне одно и то же для меня и для моих сотоварищей, поскольку оказывается в общей схеме интерпретаций. В этом смысле область вещей, принадлежащих внешнему миру, является также и социальной для действующего (Schutz and Luckman 1974: 5).

⁸ Я хотел бы сперва исправить неверное представление, возобладавшее в специальной литературе по социальной географии. Для многих ученых феноменология является методом, «который стремится понять жизненный мир человека непосредственно через "холистские" интерпретации повседневных ситуаций» (Seiffert 1972: 17). По мнению Сейферта, феноменологическое объяснение – это такое, когда, «имея дело с формулировками и интерпретациями переживаний и чувств, мы получаем "да-так-это-и-бывает"» (1972: 29). Интерпретации в социальной географии доходят до представления о том, что «феноменология» обеспечивает благоприятную метафизическую почву для возведения «здорового смысла» со всеми его предрассудками и смутными понятиями в ранг «науки» (см. Wirth 1979 и последующая критика этой установки Pickles 1985). Более того, попытки феноменологической философии показать, что каждая неотчужденная наука должна иметь своим основанием жизненный мир, не следует искажать в том смысле, что наука должна удовлетвориться формулированием субъективно-описательных утверждений в терминах обыденного языка и о повседневном мире. Ссылкой на значимость жизненного мира для науки не следует злоупотреблять для оправдания бесконтрольных и неконтролируемых научных действий самих ученых или недостатка в их действиях научной строгости. Научное понимание «субъективной перспективы» требует соответствующего жизненному миру научного метода, а не возведения субъективных и доктринерских суждений в ранг науки. «Жизненный мир» был превращен в научную проблему, а естественная, или наивная, установка не считается больше единственным доступом к миру, в котором мы живем. Далее я попытаюсь показать, что, согласно феноменологии Гуссерля и Шюца, любая наука коренится, или имеет отправную точку, в жизненном мире. Это не означает, однако, что наука невозможна.

Вслед за Уильямом Джеймсом Шюц (Schutz 1962: 207) видит «реальность» как просто отношение к нашей эмоциональной и деятельной жизни. По своему происхождению вся реальность субъективна; все, что возбуждает и стимулирует наш интерес, является реальным. Назвать нечто реальным – значит поставить это нечто в определенное отношение к нам самим.

Понятие реальности, таким образом, истолковано как «горизонт смысла». Для действующего «реальность» имеет объективное значение только до тех пор, пока существует интерессубъективное соглашение относительно существования вещи, и до тех пор, пока относительно этого не возникает противоречия⁹.

Различной степени напряжения в нашем сознании, стили переживания опыта и познание – это «функции нашей различной заинтересованности в жизни» (Schutz 1962:212). В соответствии с уровнем интереса можно различать напряженности сознания и, соответственно, различные области реальности, «каждая со своим собственным, специфическим и отдельным стилем существования» (Schutz 1962: 207), тем самым очерчивая конечную область значения. Эти классификации реальности не устанавливаются посредством онтологической структуры их объектов, но, скорее, конституируются посредством смысла, переживаемого субъектом. Другими словами: все переживания, принадлежащие конечной области значения, указывают на особый стиль жизненного опыта, а именно – на когнитивный стиль. С учетом этого стиля все они находятся во взаимной гармонии и совместимы друг с другом (Schutz and Luckman 1974: 23).

Шюц классифицирует области реальности следующим образом: повседневный мир, мир науки и исследований, мир религиозных переживаний и мир фантазий (игра, искусство, сказки, шутки...), снов и безумия. Для целей социальных наук особое значение имеют, по Шюцу, повседневный мир и мир науки и исследований вместе с соответствующими им стилями знания, т.е. – установками. Вместе с этим и проблема «адекватного» соотношения (социальной) науки с повседневным миром оказывается в центре внимания. Вслед за Гуссерлем Шюц называет стиль познания, конституирующий реальность повседневного мира, «естественной установкой», а тот, который делает то же самое в мире науки, – «теоретической установкой».

Он классифицирует далее каждую из установок более подробно в соответствии с ее изначальным соответствием, ее первичной формой спонтанности и ее особой формой «вынесения за скобки». Как будет показано ниже, первичная форма спонтанности и естественной, и теоретической установки характеризуется телодвижениями как «актами оперирования» во внешнем мире и только после – мыслительными актами.

Естественная установка и повседневный мир

Гуссерль определяет «естественную установку» как «погружение в мир» («*in-die-Welt-hinein-leben*»), где познающий и действующий человек всегда направляем *прагматическими мотивами*. Эта установка указывает на наивное отношение к миру, когда не задаются вопросом, является ли мир в действительности таким, каким он переживается в опыте, или же, с другой стороны, зависит ли способ его существования исключительно от субъективного восприятия. Тем самым форма «вынесения за скобки», которую, согласно Шюцу, действующий использует в своей естественной установке, уже очерчена в самом

⁹ Гуссерль (1982: 128-9) дает следующее более точное определение понятия «реальность»: некоторым образом и с некоторой предосторожностью в употреблении слов, мы можем также сказать, что *все реальные единства – это единства смысла [Einheiten des Sinnes]. [...] Абсолютная реальность – это все равно, что круглый квадрат*. Реальность и мир – это лишь названия для определенных обоснованных *смысловых единств [Sinneseinheiten], единств «смысла» [Einheiten des Sinnes]*, соотносящихся с определенной последовательностью абсолютного, чистого, сознания, которая, в силу ее *сущности*, наделяет смыслом [*sinngebende*] и демонстрирует осмысленность [*Sinnesgueltigkeit*] именно так и не иначе.

общем смысле: «То, что он "выносит за скобки", – это сомнение в том, что мир с его объектами может быть и другим, нежели таким, каким он является ему» (Schutz 1962: 229). Он принимает мир, выстроенный как само собой разумеющийся и реальный с его точки зрения, по крайней мере, до тех пор, пока он не становится сомнительным и проблематичным. Естественная установка, таким образом, направляет мое переживание мира, в котором я рожден и который я полагаю существовавшим до меня. «Это неведомая страна всего, данного мне в опыте как оно есть, само-собой-разумеющиеся пределы, в которых помещены все проблемы, которые мне предстоит преодолеть» (Schutz and Luckman 1974: 4)¹⁰.

Область естественной установки в реальности включает как физические, так и идеальные объекты. Их смыслы конституируются и принимаются как само собой разумеющиеся познающими субъектами, являющимися членами данного общества и культуры. Эта область реальности включает, прежде всего, мир чувственных данных, мир, непосредственно доступный восприятию¹¹, в котором тело действующего представляет собой точку отсчета для ориентации.

Повседневный мир как неоспоримое основание, выстроенное внутри естественной установки, формирует, тем самым, ту область, или регион реальности, в котором люди и осуществляют свое участие посредством регулярно повторяющихся актов вторжения. В этом мире все временно принимается без сомнений, будучи с самого начала по своему характеру интересубъективным. Это свойство, однако, всегда испытывается действующими через субъективные интерпретации смысла, благодаря наличию у них запаса ранее приобретенного знания. Эта область реальности формирует схему соотношения актов, с помощью которых интенциональное сознание познающих индивидов проясняет повседневный мир. Эта схема сделана из идеально-типического знания. Она включает в себя «открытые горизонты предполагаемых переживаний, похожих на уже бывшие» (Schutz 1962: 7). Мир не переживается как «собрание упорядоченных индивидуально уникальных объектов, разбросанных во времени и пространстве» (Schutz 1962: 7), но как собрание идеальных типов. «То, что переживается в настоящем восприятии объекта, апперцептивно¹² переносится на любой другой похожий объект, воспринимаемый только лишь как типичный»¹³ (Schutz 1962: 8). В естественной установке действующий воспринимает жизненный мир в его типических чертах, и в контексте тип-структуры, т.е. в системе координат, действующий и ориентируется соответственно.

В соответствии со своими прагматическими мотивами действующие в их естественной установке, прежде всего, заинтересованы в тех объектах, которые выделяются. Они выделяются на фоне того, что не подвергается сомнению. Эта выборочная деятельность определяет специфические черты объекта, которые являются его индивидуальными чертами, и те, которые являются типическими (Schutz 1962: 9-10). Каким будет это определение,

¹⁰ Реальность, именно та, которая является перигеем по отношению ко всем остальным реальностям и которая, хотя и является независимой от личности, не обладает независимым смысло-содержанием.

¹¹ См.: Luehinger 1982: 36.

¹² Под «апперцепцией» Шюц подразумевает процесс, посредством которого конкретный опыт или восприятие интерпретируется с учетом запаса знания.

¹³ Каждое ожидание, которое опыт укладывает в тип, может быть подтверждено или опровергнуто в наличном процессе переживания.

В случае подтверждения содержание предполагаемого типа изменится; в то же время, тип разделится на под-типы; с другой стороны, реальный конкретный объект проявит свои индивидуальные характеристики, которые, тем не менее, имеют форму типичности. (Schutz 1962: 8).

Однако зачастую действующий придает большее значение не-типичным аспектам «экземпляра», представляющего тип, например, «кота». Для меня более важно в моем коте как раз не то общее, что объединяет его с другими котами, напротив – важнее для меня то, что отличает его от других котов, которых я знаю. Другими словами, я могу воспринимать объект как экземпляр определенного типа, но я не должен думать о нем в понятиях общих категорий.

зависит от наличного запаса знания на данный момент времени. Поэтому любое прояснение жизненного мира имеет место в биографически определенной ситуации. Биографически определенная ситуация¹⁴, однако, детерминирована не только тип-структурой, но и, кроме того, делает возможной последующую деятельность, доступными – цели, возможными – прагматические мотивы. И эта «наличная цель [...] определяет те элементы ситуации, которые, помимо всех остальных в ней присутствующих элементов, соответствуют этой цели» (Schutz 1962: 9).

Итак, в повседневном мире действующие принимают «естественную установку», как она была описана выше, и их запас знания формируется посредством интересубъективных типов. Для Шюца, однако, это слишком неточное описание предпосылок для аутентичной коммуникации индивида с другими. Согласно Шюцу, «естественная установка» предполагает дальнейшее вынесение за скобки – «предположений о постоянстве структуры внешнего мира» (Schutz and Luckman 1974: 7).

Идеально-типическое знание, сконструированное в запасе знания действующего и примененное им для прояснения мира, не подвергается сомнению в процессе «вынесения за скобки естественной установки». «Каждое объяснение внутри жизненного мира (также остается) среди вещей уже объясненных, в реальности, которая изначально и типично знакома» (Schutz and Luckman 1974: 7). Чтобы справиться с миром, действующий полагается на мысль, что «мир и дальше будет оставаться (таким, каким он знал его до сих пор), и что, соответственно, запас знания, полученный от других людей и сформированный на основе его собственного опыта, будет и в дальнейшем способствовать сохранению его основополагающей обоснованности» (Schutz and Luckman 1974: 7). Вслед за Гуссерлем (Husserl 1969: 98) Шюц называет это предположение идеализацией принципа «и так далее». Это составляет первый аспект «предположения о постоянстве структуры мира».

Он ведет к другому основополагающему предположению. Согласно Шюцу, действующий начинает с мысли о том, что он всегда может повторить успешные в прошлом акты. До тех пор, пока структура жизненного мира остается неизменной, он может рассчитывать на свою способность и в дальнейшем проникать в нее, так же, как и в прошлом. Шюц и Гуссерль называют это предположение (которое представляет собой форму идеализации) вторым аспектом постоянства структуры мира, идеальностью принципа «Я-всегда-смогу-это-повторить».

Подводя итог, можно сказать: естественная установка, формирующая повседневный мир действующих, характеризуется своей прагматической «обращенностью», ориентацией и вниманием. Кроме того, Шюц выделяет и культурный слой смысла в повседневном мире, «который изначально и делает физические объекты объектами наивного опыта» (Schutz and Luckman 1974: 21). Вдобавок он вычленяет взаимодействия и отношения действующего в естественной установке – повседневный социальный мир. Все эти области, или периферии смысла отличаются единообразием стиля переживания и познания, что делает их конечными областями смысла повседневного мира. Регулятивным для опыта и познания принципом как раз и является стиль специфической напряженности сознания как функция прагматических мотивов, а именно – «гармония и совместимость, ограниченные данной областью смысла» (Schutz and Luckman 1974: 24).

Переход от одной конечной области смысла к другой описан Шюцем как «скачок», или как «потрясение»¹⁵, как «замена одного стиля переживания опыта на другой» (Schutz and Luckman 1974: 24). Для каждой области смысла характерна своя собственная структура

¹⁴ Несколько более подробным определением "биографической ситуации" является то, когда действующий "оказывается в таком физическом и социо-культурном окружении [...], в котором у него есть своя позиция, и не только позиция в смысле физического пространства и внешнего времени или в смысле его статуса и роли внутри социальной системы, но и своя нравственная и идеологическая позиция" (Schutz 1962: 9).

¹⁵ См.: Schutz 1962: 230ff.

совместимости того, что пережито и познано, так что ни одна область смысла не может быть произвольно и незаметно сведена к другой.

Соответственно, для социальных наук центральной методологической проблемой является «скачок» от опытно-когнитивного стиля естественной установки повседневного мира к теоретической установке. Как может социальная наука адекватно анализировать повседневный мир? Или: каковы для социальных наук условия, которые позволяют анализировать общество с субъективной точки зрения действующих, и каковы методы процедуры, которые она должна/может использовать для достижения этой цели? Прежде чем приступить к этим вопросам, я должен сперва проанализировать отличительные черты теоретической установки. Затем я смогу рассмотреть ее отношение к повседневному миру, или «скачок» от «естественной установки» к «теоретической установке» и обратно.

Теоретическая установка и повседневный мир

«Теоретическая установка», «напряженность сознания» в исследовании, отличается от «естественной установки» прежде всего тем, что принимающий ее ученый *не мотивирован* прагматическими соображениями. Познающий субъект занимает положение незаинтересованного наблюдателя¹⁶, который «выносит за скобки» какой бы то ни было личный практический интерес. Цель ученого – «не повелевать миром, но наблюдать и, по возможности, понимать его» (Schutz 1962: 245), а также формулировать научные теории о нем. Тем самым, Шюц принимает веберианский постулат «свободы от ценностей» (Weber 1951: 475ff), хотя и помещает его в свой феноменологический контекст.

Конечно же, теории могут, если это позволяют их практические внедрения, способствовать господству над миром, изобретать для этого технологические новшества и т.д. Но, согласно Шюцу, такое использование теории «не является частью процесса научного теоретизирования как такового. Научное теоретизирование – это одно, а использование науки в рабочем порядке – другое дело» (Schutz 1962: 246). Итак, нас сейчас будет интересовать не применение научной теории, но построение научной теории как таковой.

Поскольку «теоретическая установка» предполагает «вынесение за скобки» прагматических мотивов, это означает, что исследователь дистанцируется от субъективных интересов. Естественная установка исследователя должна быть замещена установкой на соответствующую дисциплину. Теоретическая установка должна определяться двумя вещами: 1) непосредственная проблема, находящаяся в рассмотрении подходящей для этого теории; 2) (соответствующие) основания, уже заложенные в рамках данной дисциплины. Эта теоретическая установка предполагает интерес к проблемам, которые касаются всех – к «проблемам как таковым»¹⁷. Кроме того, исследователь «выносит за скобки» и свое собственное физическое существование, т.е. он исключает определенность своих собственных, конкретных (пространственно зафиксированных) обстоятельств и живет *посредством* мышления. Какое значение это имеет для субъективности исследователя, который поистине совершает скачок от естественной установки к теоретической – это другой вопрос. Для того, чтобы продолжить мое рассуждение, следует, однако, заметить, что поскольку в этом отношении исследователи не участвуют во внешнем мире, они могут

¹⁶ Ученый должен быть «незаинтересован» постольку, поскольку он не мотивирован теми же (практическими) намерениями, что и действующие, чьи действия он изучает. Тем самым он совершает «скачок» (в смысле Кьеркегора) в «теоретическую» установку, в иное *«attention a la vie»*. Теоретик, совершив «скачок» в незаинтересованность, освобождается от изначальной тревоги и от всех надежд и страхов, с ней связанных (Schutz 1962: 247).

¹⁷ «Проблемы как таковые» имеют для Шюца совсем иной статус, нежели «истины, идеи и проблемы как таковые» имеют для Поппера; см.: глава 4 в этом контексте.

постоянно пересматривать и отвергать свои теории, не внося непосредственно изменений в не-научный мир¹⁸.

«Эта теоретическая Вселенная специализированных наук сама по себе является конечной областью смысла, обладающей своим особым когнитивным стилем, со своим особым видением проблем и своими горизонтами, ждущими объяснений» (Schutz 1962: 250). Из этой предпосылки Шюц выводит правила научного действия, которые можно свести к трем следующим постулатам:

1. *Постулат согласованности и совместимости всех высказываний.* Это требование относится не только к высказываниям в рамках одной своей дисциплины, но и ко всем другим научным высказываниям, а также к естественной установке в отношении повседневного мира.

2. *Постулат эмпирического основания для научных высказываний.* Это значит, «что все научные идеи должны выводиться, непосредственно или косвенно, из проверенных наблюдений» (Schutz 1962: 251). То есть, эти суждения должны соотноситься с фактами из жизненного мира.

3. *«Постулат наивысшей возможной ясности и отчетливости всех используемых понятий и терминов»* (Schutz 1962: 251). Это требование указывает на то, что посредством прояснения в рамках «теоретической установки» разрозненные до-научные понятия и способы мышления доводятся до уровня высшей ясности в том смысле, что их (скрытые), подразумеваемые, значения делаются явными.

Из этих трех общих правил, устанавливающих условия, при которых смысловая область «науки» может рассматриваться как «реальная», Шюц выводит вполне точные для социологической методологии указания. Вначале он рассматривает главные цели любого научного действия, затем переходит к сравнению социологических процедур с методологией естественных наук и, тем самым, устанавливает особые характеристики социологии¹⁹.

Вслед за Уайтхедом Шюц видит основные цели любой науки прежде всего в разработке эмпирических теорий (т.е. теорий, которые согласуются с опытом) и, во-вторых, – в отчетливом объяснении повседневных представлений. Это объяснение «состоит в том, чтобы сохранить эти представления в научной теории как гармонизированной мысли» (Schutz 1962: 4). Для этого наука должна «разработать способы, с помощью которых мысленные объекты из обыденного опыта вытесняются мысленными объектами науки» (Schutz 1962: 4). Именно в этом процессе вытеснения мы и видим смысл различия между естественными и социальными науками.

Все знание о мире, будь то повседневное, общественное или научное по своей природе, связанное с социальными или с естественными науками, «состоит из конструктов, т.е. совокупности абстракций, обобщений, формализаций, идеализаций, характерных для

¹⁸ Существует определенное сходство между этим постулатом и попперовским постулатом о мире-3, существующем независимо от познающего субъекта. Но, в противоположность Попперу, Шюц считает, что не познающий субъект независим от объективных идей, но ученый, который в теоретической установке независим от конкретного внешнего мира. Таким образом, с точки зрения Шюца, теории можно и «отбросить» при этом без всякого эффекта для людей: ученый подавляет свою конкретную личность в рамках «теоретической установки».

¹⁹ Из этого, однако, не следует, что Шюц рассматривает методы социальных и естественных наук как далекие друг от друга. Он отвергает, как неприемлемые, постулаты и номотетической школы в социологии (тех социологов, которые следуют примеру естественных наук и стремятся лишь к формулировке правил и к объяснениям явлений), и идиографической школы (заинтересованной лишь в неповторимых утверждениях и в истолковании явлений, чураясь измерением и экспериментом в социологии). Согласно Шюцу (Schutz 1962: 48ff), идиографисты в особенности не учитывают тот факт, что определенные процедурные правила столь же обоснованны и для всех эмпирических наук: принципы контролируемого вмешательства, принципы контролируемой верификации другими учеными, теоретические идеалы единства, простоты, обобщения и точности. Шюц считает эти общие факторы обоснованными, каким бы ни был объект исследования. Здесь я хотел бы только отметить, что Шюц предлагает третье направление в социологической методологии, которое не следует приравнивать к чему бы то ни было предшествующему.

соответствующего уровня организации мышления» (Schutz 1962: 5). Таким образом, все классифицируемые факты следует понимать как проинтерпретированные факты: такие интерпретации следует рассматривать «только» как конкретные аспекты того, что мы переживаем. Если наука замещает конструкты здравого смысла ясными теоретическими конструктами, то *естественные науки* относятся к физическому миру. Физический мир состоит только из таких фактов, которые сами по себе не обладают структурой релевантности и смысла. Следовательно, естественные ученые привязаны только к системе релевантности своей дисциплины, а не к системе релевантности самих изучаемых фактов. Поскольку «релевантность не присуща природе как таковой, она выступает результатом избирательной и интерпретативной деятельности людей, находящихся в природе или наблюдающих природу» (Schutz 1962: 5). Факты, которыми занимаются естественные науки – молекулы, атомы или электроны – сами для себя ничего не значат, а их интерпретации естествоиспытателями имеют для них не больше смысла.

Факты же, которыми занимается социальный ученый – социальный мир, человеческие действия и их последствия, – напротив, с самого начала имеют особую смыслоструктуру и структуру релевантности. Действующие «уже выбрали и уже проинтерпретировали этот мир посредством целого ряда обыденных конструктов реальности повседневной жизни, именно эти мыслительные объекты [конструкты] и определяют их поведение, определяют цели их действий и средства, доступные для их достижения» (Schutz 1962: 6). Таким образом, социальный ученый в своей «теоретической установке» должен соотноситься с «мыслительными объектами, созданными здравым смыслом человека, проживающего свою повседневную жизнь среди таких же людей» (Schutz 1962: 6). Создаваемые в исследовании теоретические конструкты должны не только превосходить конструкты повседневной жизни, но и совпадать с ними, если претендуют на эмпирическую обоснованность. Я мог бы проинтерпретировать тезис Шюца следующим образом: естественные науки стремятся формулировать конструкты первого порядка, которые Шюц называет конструктами первой степени. Это такие конструкты, которые не должны соотноситься с последующими смыслоструктурами. Социальные науки стремятся к формулировке конструктов второго порядка – «сконструированных из конструктов, полученных действующими на социальной арене [в естественной установке], чье поведение и наблюдает [социальный] ученый, пытаюсь объяснить его в соответствии с процедурными правилами своей [социальной] науки» (Schutz 1962: 6). Следовательно, самой важной задачей для методологов социальных наук должно быть «изучение общих принципов, согласно которым люди организуют свой опыт в повседневной жизни и, в особенности, свой социальный опыт» (Schutz 1962: 59).

Социальная наука, стремящаяся к этой цели, должна воспринять постулат субъективной интерпретации, встать на субъективную точку зрения. Она должна соотноситься с «интерпретацией действия и его обстоятельств в понятиях самого действующего» (Schutz 1962: 34). Объект социального исследования – человеческие действия в самых различных своих проявлениях, их организация в разного рода типы институционализации, а также результаты, или артефакты, этих действий – следует рассматривать и анализировать в рамках и с точки зрения субъективной перспективы. Требуется такого рода ре-конструкция, которая сможет структурировать процессы человеческого поведения в определенные типы. Только таким образом социальные науки могут исследовать социальную реальность, рассчитывая при этом на эмпирическую обоснованность. Другими словами, что именно действующие подразумевают, когда *они* действуют – это вопрос понимания.

Как уже отмечалось, смысловые контексты, конкретные формы запаса наличного знания и системы соотнесения действующего – все это основывается на конкретной особой индивидуальной биографической ситуации. Для исследователя возникает вопрос: как уловить эти субъективные смыслоструктуры и воспроизвести их в рамках объективной

системы научной теории, не превращаясь при этом в шизофреника? Как разрешить этот парадокс?

Как только мы принимаем теоретическую установку²⁰, становится возможным понимание субъективных смыслоструктур, так что первый аспект этого парадокса может быть снят. Формулировка конструктов второго порядка, принимающих в расчет субъективный смысл действующего, отличается от формулировки конструктов первого порядка; оба типа конструктов не вытекают из одной установки. Поэтому мыслительные объекты, сформулированные социальными науками, не соотносятся с конкретными действиями конкретных индивидов, происходящими в конкретных ситуациях. С помощью особых методологических средств [...] социальный ученый замещает мыслительные объекты здравого смысла, соотносящиеся с конкретными событиями и случаями (Schutz 1962: 36).

С этой целью он разрабатывает модели, представляющие социальный мир в свете теоретически релевантных проблем.

Второй аспект парадокса – вопрос о возможности в принципе воспроизводить субъективный смысл в объективных теориях – также тесно связан с различием между «естественной» и «теоретической» установкой. В отличие от действующего в «естественной установке», исследователь в «теоретической установке» не предполагает в социальном мире некоего «здесь», которое можно сформировать в конструкт. «Корпус» знания и методы его дисциплины составляют запас знания исследователя. Исследователь наблюдает образцы человеческого действия и его последствия постольку, «поскольку они доступны его наблюдению и открыты для его интерпретаций. Но образцы взаимодействий, однако, он должен интерпретировать в понятиях их субъективного смысла, иначе он теряет всякую надежду уловить «социальную реальность» (Schutz 1962: 40). Объективное воспроизведение субъективных смысловых контекстов возможно до тех пор, пока исследователь не разделяет ту же прагматическую систему соотнесения, что и исследуемый действующий. Таким образом, такое воспроизведение возможно, только если он отказывается от (социального и физического) «здесь» жизненного мира и замещает биографически определяемый набор знания «объективным» знанием данной дисциплины.

Теоретический подход к повседневному миру

Поскольку воспроизведение, или перестройка, повседневного мира имеет место в естественной установке, теоретическая установка должна в точности соотноситься с естественной, если не хочет оказаться в кризисе отчужденной самодостаточности.

Следовательно, все утверждения, выводимые из социологических теорий должны основываться на интерсубъективном опыте естественной установки. Из этого выводятся специфические принципы социологического исследования.

По Шюцу, построение социологических моделей и теорий, выводимых из этих общих наблюдений над познанием и теоретизированием должно удовлетворять следующим постулатам:

1. *Постулат логической состоятельности.* «Система типичных конструктов, созданных ученым, должна отвечать требованиям наибольшей степени ясности и отчетливости применяемой концептуальной схемы и должна быть вполне совместимой с принципами формальной логики» (Schutz 1962: 43). Всецело логический характер как раз и отличает научные конструкты (замещающие обыденные) от повседневного мышления.

²⁰ Включая и ссылку на постулат свободы от ценностей.

2. *Постулат субъективной интерпретации.* «Для того, чтобы объяснить человеческие действия, ученый должен задаться вопросом: какую модель индивидуального разума можно построить и какое типичное содержание ей можно приписать, чтобы объяснить наблюдаемые факты как результат деятельности такого разума понятным образом» (Schutz 1962:43). Тогда можно быть уверенным, что любое действие можно проследить вплоть до его субъективного смысла.

3. *Постулат адекватности.* «Каждое понятие в научной модели человеческого поведения должно быть выстроено таким образом, чтобы акт действия, выполненный действующим индивидом в жизненном мире по образцу типического конструкта, был понятен как для самого действующего индивида, так и для его сотоварищей в терминах интерпретаций здравого смысла повседневной жизни» (Schutz 1962: 44). Применение этого постулата, по мнению Шюца, позволит предотвратить отчуждение социальных наук от мира повседневности.

Перевод с английского С.П.Баньковской

Литература

- Kung, G.* (1982) Einführung in die Phänomenologie, unpublished manuscript, Fribourg.
- Husserl, E.* (1965) Philosophy as Rigorous Science. Phenomenology and the Crisis of Philosophy, tr. Q. Lauer, New York: Harper Torchbooks.
- Schutz, A.* (1962) Collected Papers, vol. I, ed. and intr. M. Natason, The Hague: Martinus Nijhoff.
- Luckmann, Th.* (1983) Life-World and Social Realities, London: Heinemann Educational.
- Husserl, E.* (1970a) The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology, tr. and intr. C. Carr, Evanston, Ill.: Northwestern University Press.
- Held, K.* (1981) 'Edmund Husserl', in O. Höffe (ed.) Klassiker der Philosophie, vol. 2, München: C.H. Beck.
- Szilasi, W.* (1959) Einführung in die Phänomenologie Edmund Husserls, Tübingen: M. Niemeyer.
- Brauner, H.* (1978) Die Phänomenologie Edmund Husserls und ihre Bedeutung für soziologische Theorien, Meisenheim a.G.: Hain.
- Husserl, E.* (1982) Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy, vol. 1, tr. F. Kersten, The Hague: Martinus Nijhoff.
- Peursen, C.A.V.* (1969) Phänomenologie und analytische Philosophie, Stuttgart: Kohlhammer.
- Habermas, J.* (1988) The Logic of the Social Sciences, tr. S.W. Nicholsen and J.A. Stark, Cambridge: Polity Press.
- Schutz, A. and Luckmann, Th.* (1974) Structures of the Life-World, tr. R.M. Zaner and H.T. Engelhardt Jr, London: Heinemann.
- Husserl, E.* (1969) Formal and Transcendental Logic, tr. D. Cairns, The Hague: Martinus Nijhoff.
- Weber, M.* (1951) Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre, Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).